Илья Морозов

ПОБЕГ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

ВВЕДЕНИЕ

КТО ПОХИТИЛ БУДУЩЕЕ?

Будущее наступит не тогда, когда мы полетим на Марс, а когда каждое лето перестанут отключать горячую воду...

Мы ждали роботов, а получили капчу «Я не робот». Что же пошло не так?

Люди удивительно редко бывают довольны временем, в котором живут. Одни ностальгируют по прошлому, другие мечтают о будущем. Но всех их объединяет одно: желание сбежать из настоящего. Того самого настоящего, которое упорно подсовывает разбитый асфальт у подъезда.

Мы умеем рисовать города будущего, но живём в городах прошлого — словно грузовичок из мема, которому до цели осталось совсем чуть-чуть, только это «чуть-чуть» длится десятилетиями.

Но есть и хорошая новость: мир вокруг — не окончательная версия, а черновик, который мы прямо сейчас редактируем. Если вокруг стало слишком темно, это не значит, что наступил конец света. Возможно, просто пора поменять лампочку.

До будущего мы в любом случае доедем. Но ехать придётся без автопилота. За рулём будем мы сами, обычные люди. И именно от нас зависит, каким окажется пункт назначения.

Эта книга — попытка понять, как сделать мир вокруг уютнее и удобнее. Вас ждут девять глав. Но первые четыре будут о настоящем. Ведь прежде чем строить новое, надо разобраться со старым. А затем мы соберём будущее, из которого не захочется сбежать...

ГЛАВА 1

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ВРЕМЕННО НЕДОСТУПЕН

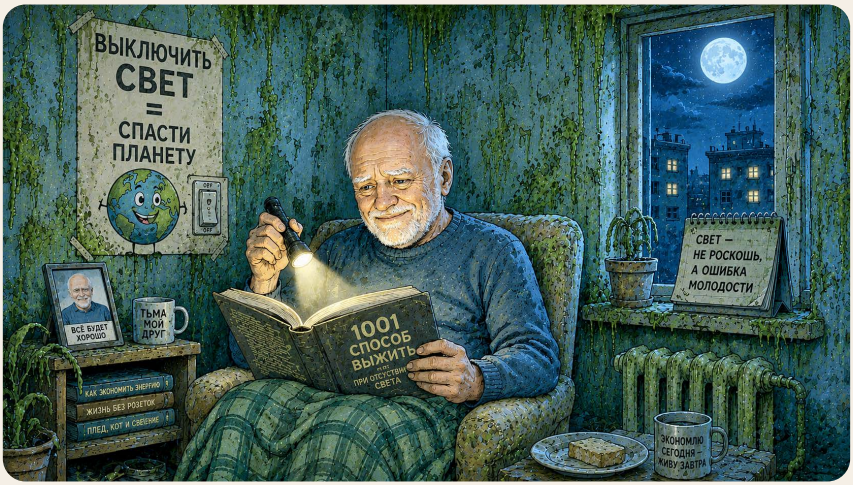
Глава, в которой лампочки перегорают, бережливость выходит боком, а новое ломает старое.

Однажды в подвале одного старинного дома появилась весьма необычная плесень. Плесень была натурой тонкой, любила тишину, сырость и Достоевского, но не любила яркий свет.

Поселившись в углу возле старой фановой трубы, плесень считала, что будущее за приватностью и приличные организмы живут в полумраке.

Единственное, что отравляло ей жизнь, — это ЖЭК в лице электрика Петровича. Петрович регулярно вкручивал в подвале стоваттные лампы, свет которых заставлял плесень экзистенциально страдать, и она поняла: пора действовать. Борьба за выживание требовала инноваций. Она синтезировала ядовитые споры, надышавшись которыми люди меняли своё поведение. Эти споры не вызывали кашля, но активировали участок мозга, отвечающий за бережливость и обострённое чувство долга перед планетой.

Первой жертвой пал сам Петрович. Спустившись в подвал с новой лампочкой, он сделал глубокий вдох… и замер. В его мозгу мгновенно активировался отдел «Осознанного потребления». Петрович сразу выкрутил лампочку и вернулся назад с просветлённым лицом и непреодолимым желанием спасти планету. И уже через два дня дом накрыла эпидемия лютой осознанности.



Воздух из подвала просочился в вентиляцию, и жильцы, вдыхая споры, начали массово сходить с ума на почве бережливости. Люди старались выключать «лишний» свет и чаще сидели в полумраке. Дом погрузился в темноту. Лампочки были объявлены врагом экологии и главным виновником углеродного следа.

Без света плесень росла, жирела и захватывала новые территории. Люди сами создали для неё идеальный мир, искренне гордясь своей прогрессивностью. Вскоре весь город проникся ответственностью перед планетой. Уличные фонари объявили пережитком прошлого, свет в домах старались не включать, а особо сознательные граждане даже начали гордиться тем, что борются со «световым загрязнением».

А плесень тем временем росла и росла. В тишине, темноте и полном комфорте.

Иногда идеи, как споры плесени, проникают в наше сознание и меняют поведение, заставляя нас следовать им, даже если они лишены логики.

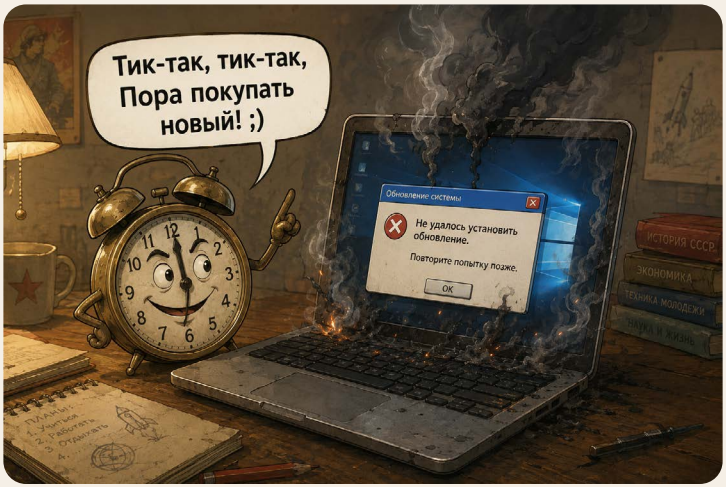
Запланированное устаревание

Тайны запланированного устаревания

Вы когда-нибудь замечали, что смартфон начинает тормозить вскоре после выхода новой модели, а наушники ломаются почти сразу после окончания гарантии? Иногда это просто неудачное совпадение. Но часто преждевременное старение закладывают прямо при проектировании. Это и называют запланированным устареванием.

Состарить товар можно по-разному. Иногда устройство делают физически недолговечным, иногда перестают поддерживать программно, а иногда просто убеждают нас, что исправная модель уже безнадёжно устарела. Бывает и так, что срок использования вещей ограничивают правилами.

Например, в Сингапуре вместе с автомобилем нужно получить специальный сертификат, действующий десять лет. После этого исправную машину можно оставить, но за право продолжать ею пользоваться приходится снова платить, а дорожный налог с возрастом автомобиля растёт. Машина ещё не устарела, но система уже настойчиво предлагает задуматься о новой.



Запланированное устаревание заставляет нас чаще покупать новые вещи, увеличивая продажи производителей.

Лампочки, которые могли светить вечно

Одним из самых известных примеров запланированного устаревания стала история с лампочками накаливания. В начале XX века существовали лампочки, способные работать десятилетиями. Самая знаменитая лампочка-долгожитель находится в пожарной части Ливермора: она горит с 1901 года и даже имеет собственный сайт с онлайн-трансляцией.

Лампочка в пожарной части города Ливермор

Но в 1920-х годах крупнейшие производители объединились в картель «Фебус» и договорились ограничить срок службы лампочек до 1000 часов. Компании, выпускавшие более долговечную продукцию, штрафовали. Ведь чем быстрее перегорала лампочка, тем раньше человек возвращался за новой. Гениальная бизнес-модель — если конечно не считать интересов покупателя.

Как обновления замедляли iPhone.

В 2017 году разразился скандал вокруг Apple. Выяснилось, что компания через системные обновления ограничивала производительность некоторых старых айфонов. Apple объясняла это защитой телефонов от внезапных отключений. Но пользователям долго не сообщали, что их смартфоны намеренно замедляются. Человек видел, что телефон стал сильно тормозить, и мог решить, что устройство просто устарело и пора покупать новую модель.

Но зачем такие сложности? Всё просто: чем быстрее устаревает товар, тем быстрее человек покупает новый.

Продажи растут, производство расширяется, появляются новые рабочие места, а новые, почти ничем не отличающиеся модели можно выпускать каждый год.

Тёмная сторона

Главный минус запланированного устаревания в том, что людям приходится регулярно тратить деньги на новые устройства, хотя старые ещё могли бы работать. Не все могут позволить себе часто покупать новую технику, поэтому после поломки человек рискует вовсе остаться без нужной вещи.

При этом миллионы тонн электроники ежегодно оказываются на свалках, а для производства новых моделей снова требуются металлы, энергия и вода.

Производителям порой выгоднее вложиться в рекламу, новый корпус и несколько незначительных функций, чем в действительно важные разработки. Так появляются бесконечные поколения почти одинаковых устройств, а реклама убеждает нас, что исправная прошлогодняя модель уже безнадёжно устарела.

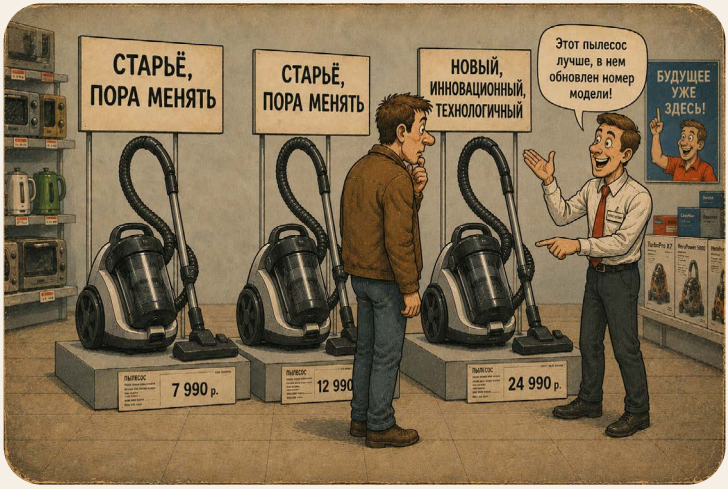
Запланированное устаревание напоминает двигатель, работающий на холостом ходу: заводы заняты, ресурсы расходуются, люди трудятся, товары движутся по конвейеру — но жизнь человека почти не становится лучше.

Что же делать?

Первый ответ лежит на поверхности: чинить, а не выбрасывать. Ремонт тоже создаёт рабочие места и поддерживает экономику.

Другой путь — модульная техника. В устройствах вроде Fairphone можно заменить аккумулятор, экран или камеру, не покупая новый аппарат целиком. Государство может поддерживать такие проекты и ограничивать запланированное устаревание, требуя от производителей доступных запчастей, понятных инструкций и длительной программной поддержки.

Но ещё важнее изменить наше отношение к вещам. Покупка нового гаджета только потому, что вышла следующая модель, не должна считаться естественной. Когда покупатели начнут ценить долговечность и ремонтопригодность, производителям придётся это учитывать. А пока мы меняем работающие вещи на почти такие же новые, огромная часть ресурсов экономики уходит не на создание будущего, а на бесконечное воспроизводство настоящего. Заводы выпускают новые версии прежних устройств, инженеры переставляют детали местами, а маркетологи объясняют, почему прошлогодняя модель больше не годится.



Но настоящее нельзя обновить до будущего бесконечным выпуском одинаковых моделей. Будущее начинается с принципиально новых решений — когда меняется не номер модели, а сам принцип работы. Пока мы просто меняем шило на мыло, прогресс продолжает топтаться на месте.

Ладно, больше никаких новых айфонов. Донашиваем старые кроссовки и штопаем носки. Вот только экономика от такой осознанности почему-то не в восторге.

Горе от бережливости

Как потреблять с умом, но не рушить экономику?

Идея осознанного потребления довольно проста: не менять вещь, пока она работает, чинить её, если ремонт разумен, и не покупать то, без чего можно обойтись. Звучит прекрасно. Но есть нюанс: современная экономика во многом держится на том, что мы регулярно что-то покупаем.

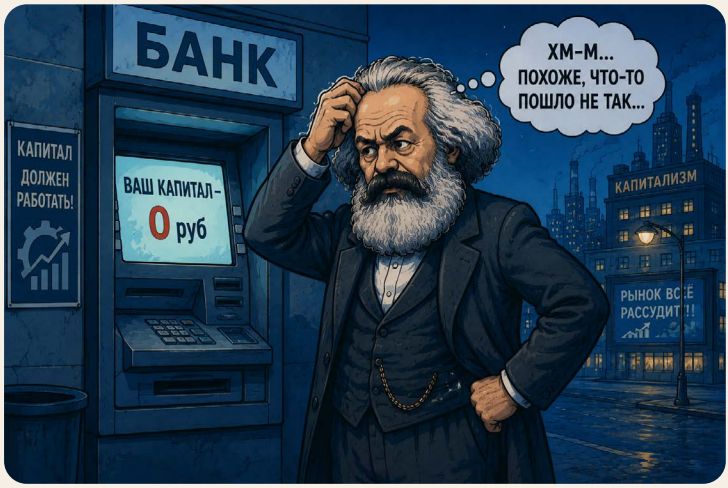
Рост экономики двигает прогресс, создаёт новые рабочие места и технологии. А падение спроса и потребления могут привести к кризисам и стагнации.

Почему нас заставляют покупать?

Нас постоянно подталкивают покупать новое. И хотя это кажется очередной проделкой ~~жадных капиталистов~~ капитализма, у этой гонки есть и обратная сторона — она двигает прогресс. Многие технологии, без которых мы уже не представляем свою жизнь, стали массовыми именно благодаря рынку.

Смартфоны, компьютеры и даже привычные всем стёкла и зеркала когда-то были дорогими предметами роскоши для избранных. Даже канализация и водопровод в древнем Риме были только у самых богатых персон. Но конкуренция и желание ком-

паний заработать заставляют их делать продукты лучше и дешевле. Так инновации попадают в руки миллионов, повышая качество жизни.



Компании производят товары, платят работникам зарплаты, а мы покупаем то, что они произвели. Деньги опять возвращаются в экономику, чтобы стимулировать новый цикл развития технологий и производства. Если люди резко перестанут тратить деньги, этот круг разорвётся. Компании начнут увольнять сотрудников и вырастет безработица.

Как покупать меньше, но жить лучше?

Погоня за новыми вещами напоминает бег в колесе. Реклама и общество убеждают нас, что надо купить новую версию айфона, хотя старый смартфон прекрасно работает. Но потреблять нужно не меньше, а иначе. Например, перейти от идеи владения ве-

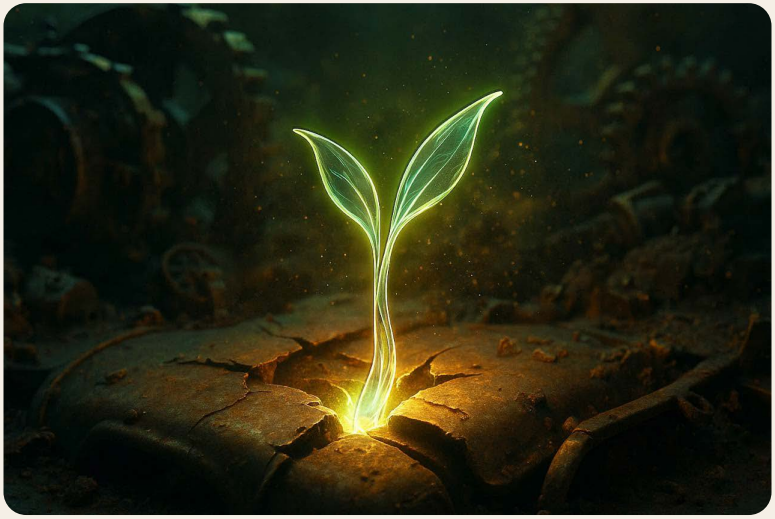
щами к доступу к ним. Каршеринг вместо личного авто, аренда инструмента для ремонта или платья для вечера вместо покупки. Это не убивает бизнес, а трансформирует его. Компании начинают зарабатывать на услугах, а не на одноразовых продажах. Но это не исключает и наличие личных вещей, просто их станет меньше.

Экономика ремонта даёт вещам второе дыхание: появляются мастерские по починке и доски объявлений, где старые вещи находят новых хозяев. К тому же, продавать можно не только материальные вещи, но и ~~курсы осознанности~~ абонементы в спортзал, обучение, туризм.

У экономики есть и другой способ расти, не заставляя человека каждый год покупать тот же чайник с новой кнопкой. Такой рост обеспечивают новые технологии: они создают целые отрасли и рабочие места, двигают вперёд науку и образование.

Если потреблять много — ломается экология, если мало — экономика. Поэтому экономисты предложили компромисс: всё разрушить. Разумеется, очень созидательно

Чтобы построить, нужно сломать?



Прогресс через разрушение

Экономика напоминает живой организм: в ней постоянно рождаются новые «клетки» — инновации, а старые технологии и производства постепенно отмирают. Раньше считалось, что для роста нужно просто копить ресурсы, как кирпичи для постройки дома. Но экономисты Филипп Агийон и Питер Ховитт доказали, что главное топливо для прогресса — это не накопление, а бесконечный поток иннова-

ций, который работает по принципу «созидательного разрушения».

Новая технология, например смартфон, открывает новые возможности, но одновременно отправляет в прошлое целый ряд привычных устройств: компактные фотоаппараты, бумажные карты и кнопочные телефоны. Это и есть **созидательное разрушение**.

Почему компании продолжают вкладываться в новые разработки? Их привлекает возможность хотя бы на время оказаться впереди конкурентов. Фирмы инвестируют в исследования не из чистого альтруизма, а ради права первыми выпустить прорывной продукт, получить рыночное преимущество и заработать больше остальных. Но такое преимущество редко сохраняется надолго. Пока одна компания пользуется успехом своего изобретения, конкуренты уже ищут способ сделать продукт дешевле, удобнее или совершеннее. Так сегодняшний

инноватор завтра сам становится жертвой своего же подхода.

Если позволить монополиям становиться слишком сильными, они начнут подавлять новые идеи и прогресс замедлится. Но если конкуренция будет слишком жёсткой, а права изобретателей — незащищёнными, то компании перестанут вкладываться в дорогостоящие исследования. В 2025 году за исследования технологического роста и созидательного разрушения Нобелевскую премию по экономике получили Джоэл Мокир, Филипп Агьон и Питер Ховитт.

Как встречать инновации

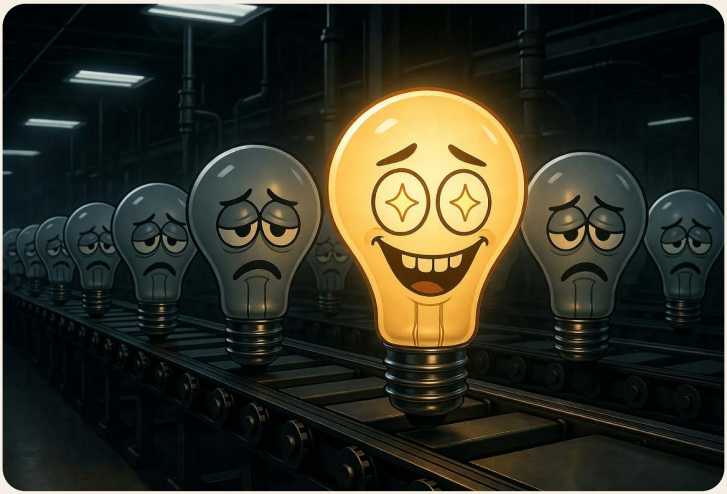
Инновация — как огонь: она освещает дорогу новым компаниям, но по пути сжигает лавки тех, кто продолжает торговать старым.

Но если общество будет противиться переменам, никакие инновации не приживутся. Многие нововведения поначалу кажутся абсурдными. Главная задача — сделать так, чтобы новое не разрушало всё старое, а естественно в него вписывалось.

Это можно сравнить со строительством дома, который с самого начала проектируется с возможностью легко проводить капремонт и менять коммуникации. Архитектор заранее понимает, что здание не вечно и со временем потребует обновления. Новое не должно вступать в конфликт со старым, а дополнять его.

Ещё обществу необходим эффективный механизм оценки и внедрения новшеств. Хорошая аналогия — тестирование новых лекарств. Если процесс медленный — пациенты не получат жизненно важное лечение вовремя. А если слишком поспешить — на рынок выйдет непроверенное лекарство с непредсказуемыми последствиями.

Чтобы ускорять экспертизу инноваций, но не в ущерб качеству, можно применять современные технологии, например, искусственный интеллект. Но окончательное решение должны принимать люди, а не алгоритмы.

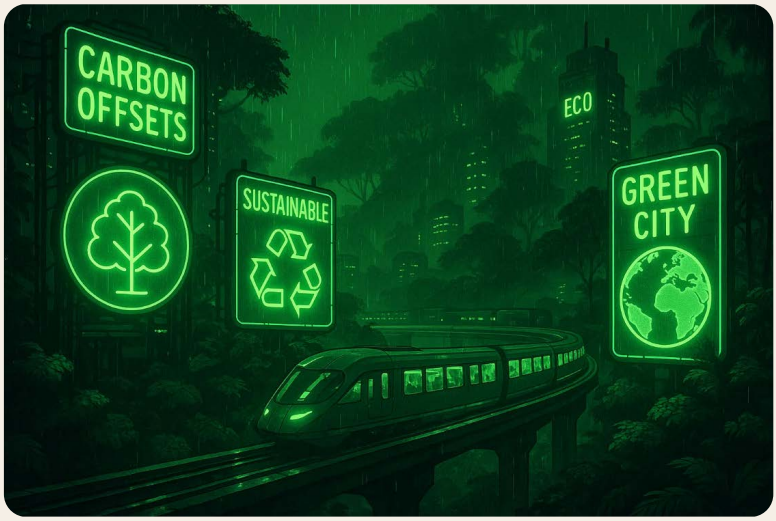


Но не все инновации одинаково полезны. Поющие краны и экраны вместо стен отлично смотрятся на презентациях, хотя редко решают реальные проблемы. А новые лекарства или системы очистки воды часто кажутся слишком скучными для новостей.

Созидательное разрушение работает не тогда, когда мы меняем старое на новое. Оно работает тогда, когда мы меняем его на лучшее. Просто важно не путать прогресс с его декорациями.

Разрушать иногда полезно. Но во всём нужна мера. Не стоит ломать то, что работает. Луддиты когда-то тоже были уверены, что поступают правильно. Ну и к чему это привело?

Борьба с технологиями — это тупик



Новые технологии или экология?

Современные технологии часто воспринимаются как угроза экологии. Их винят в загрязнении планеты и чрезмерном потреблении ресурсов. Но именно технологии помогают решать экологические проблемы.

Не быть луддитами

Сегодня некоторые эко-активисты выступают против любых технологий, считая их угрозой для природы. Это тотальное отрицание прогресса напоминает движение луддитов начала XIX века, которые разрушали станки, видя в них причину безработицы, но в итоге лишь замедлили развитие промышленности, не решив социальных проблем.

Экологические проблемы не решить отказом от прогресса. Наоборот, нужны технологии, которые экономят ресурсы и позволяют использовать материалы повторно.

Возьмём пластик. Его можно отправить на свалку или сжечь, но от этого проблема не исчезнет. Лучше вернуть его в производство и сделать из старого пластика новые вещи.

На графике «Загрязнение океана пластиком» видно, что с большим отрывом лидируют Филиппины. Только одна эта маленькая страна, где процветают устаревшие технологии и нет переработки мусора, даёт почти треть всех загрязнений.

Всего десять стран дают больше 80% пластикового загрязнения, а на весь остальной мир приходится меньше пятой части.

Парадоксально, но экоактивисты больше всего возмущаются состоянием экологии там, где с ней и так всё неплохо. При этом некоторые из них призывают остановить промышленность в развитых странах. Но даже если это произойдёт, загрязнение никуда не исчезнет, а уменьшится в лучшем случае на 5–10%, ведь львиная доля пластиковых отходов приходится на страны, о которых активисты почему-то забывают. И вместо того, чтобы внедрять современные технологии переработки

мусора там, где это действительно нужно, предлагается подорвать экономику стран, в которых технологии и так давно «зелёные».

Посмотрим, как происходит переработка мусора в развитых странах, на примере Финляндии. Около половины отходов здесь сортируется и перерабатывается, а остальное используется для производства энергии на мусоросжигательных заводах, оснащённых системами очистки газов.

Благодаря этому вредные выбросы сводятся к минимуму, а тепло от сжигания превращается в электроэнергию и отопление для домов.

А ещё финские предприятия активно внедряют инновации, такие как автоматическая сортировка с помощью оптических датчиков и биопереработка органических отходов в биогаз. Кроме того, в стране развита система депозита за тару, что стимулирует возврат пластика и стекла в оборот.

Похожий процесс происходит в Европе и США: здесь активно переходят на возобновляемые источники энергии (солнечные и ветряные).

Двойные стандарты экологии

В то время как в Европе и США экоактивисты добиваются полного отказа от угля и перехода на «зелёные» технологии, в странах третьего мира ситуация остаётся критической: устаревшие угольные электростанции, отсутствие современных фильтров и зависимость от дешёвого, но грязного топлива приводят к катастрофическим выбросам.

Однако международные программы поддержки «зелёной» энергетики часто обходят эти страны стороной, оставляя их в ловушке бедности и экологического кризиса.

Радикальным лозунгам — НЕТ!

Нельзя не признать, что именно экодвижения заставили людей всерьёз задуматься о загрязнении и климате. Но требовать отказа от технологий — всё равно что бороться с пожаром, запрещая пожарные машины. В основном именно инновации помогают решать экологические проблемы.

Парадоксально, но именно индустриальная эпоха создала условия, при которых человечество вообще смогло задуматься об экологии.

Вместо радикальных лозунгов лучше инвестировать в науку и доступные зелёные технологии. Только так можно добиться реальных изменений.

ГЛАВА 2

ТЬМА ТАРАКАНЬЯ

Глава, в которой перенаселение отменяется, рай проверен на мышах, а каждый винтик имеет значение

У Ивана Петровича дома завелись тараканы — жирные, холёные, усатые гурманы. Они наглейшим образом инспектировали хлебницу, беспардонно дегустировали молоко из кошачьей миски и использовали «Дихлофос» с борной кислотой исключительно как пикантную приправу к ужину.

Однажды на входной двери подъезда Иван Петрович увидел рекламу борьбы с тараканами от «Службы инновационных решений». Заинтригованный, он набрал номер.

Вскоре на пороге возник дезинфектор в противогазе и защитном костюме. Щедро обработав квартиру какой-то белой пылью, специалист пообещал: «Гарантирую, вы больше не увидите дома ни одного таракана».

Тараканы действительно исчезли. Правда, радовался Иван Петрович недолго. По ночам из-за холодильника по-прежнему доносилось деловитое шуршание.

А однажды вечером Иван Петрович почувствовал, как по его ноге кто-то уверенно совершает восхож-

дение. Глянул: никого, стряхнул рукой — шорох лапок по линолеуму, но пол был абсолютно пуст.

Опешивший хозяин квартиры дрожащими руками набрал «Службу инновационных решений». Трубку взяли мгновенно. «Всё верно: как мы и обещали, вы не видите ни одного таракана, потому что мы сделали их невидимыми».

Тараканы остались, они процветали, плодились и устраивали ночные дискотеки на кухне, но их было не видно.

Так Иван Петрович понял, что если ты не видишь проблему, это не значит, что она не жрёт твою гречку по ночам.

Тараканы плодятся быстро — лишь бы на кухне было много гречки. А вот людям одной гречки мало. Плодимся мы плохо, рождаемость падает и население стареет. Похоже, сначала придётся разобраться с тараканами в голове. Ну а без помощи роботов тоже не обойтись.

Демографическая яма

Старение планеты

Мир стремительно стареет, а детей рождается всё меньше. Это не просто цифры в статистике — это будущее без привычных пенсий, стабильной экономики и даже без некоторых профессий.

Но это не конец света — просто нам придётся адаптироваться.

Через пару десятилетий пенсионеров станет заметно больше, а работников — меньше. Нынешние пенсионные системы просто не выдержат такой нагрузки. Больницы и соцслужбы тоже окажутся на грани коллапса — кто будет ухаживать за стареющим населением?

Экономика уже чувствует последствия. Меньше рабочих рук — значит меньше товаров и услуг. Компании столкнутся с жесточайшим кадровым голодом. Цены будут расти, а уровень жизни — падать. Пора искать решения, пока не стало слишком поздно.

Квартирный вопрос только испортил их

Многие молодые люди, живя с родителями из-за высоких цен на жильё, осознают, что не смогут обеспечить собственное жильё и содержание семьи. А в таких развитых государствах, как Япония и Южная Корея, напряжённый рабочий график оставля-

ет мало времени и энергии для личной жизни. Эти экономические факторы серьёзно влияют на возможность заводить детей.

При этом государственная поддержка семей во многих странах мало компенсирует расходы на воспитание ребёнка. Добавьте к этому экономические кризисы, и станет понятно, почему всё больше людей лишаются уверенности в завтрашнем дне.

Будущие родители нуждаются в помощи: доступное жильё, поддержка молодых семей и создание условий для воспитания детей. Чтобы люди заводили детей, нужно сделать это выгодным.

Например, в России предлагают льготную ипотеку и выплаты за рождение детей. А в Швеции отцы могут уходить в декрет.

Деньги решают многое — но не всё. Нужны ещё детские сады у дома, гибкий график работы для родителей и нормальная медицина, включая бесплатное

ЭКО для тех, кто в этом нуждается. Без этого даже самые щедрые пособия не сработают.

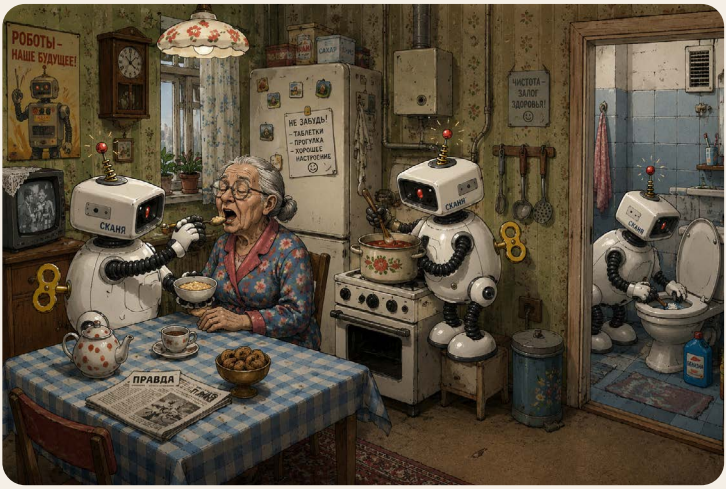
Ещё в Японии государство финансирует сервисы знакомств для одиноких. А в некоторых странах Европы ясли принимают детей уже с 2–3 месяцев, позволяя мамам быстро возвращаться к работе. Правда, для самих малышей такое решение сложно назвать оптимальным.

Логика подсказывает: что-то делать надо прямо сейчас, иначе через пару десятилетий уже некого будет лечить, учить и некому кормить стариков.

Роботы и ИИ спешат на помощь

Здесь на помощь приходят новые технологии. Искусственный интеллект и роботы уже берут на себя часть работы на заводах, складах и в службах доставки, помогая экономике справляться с нехват-

кой работников. Конечно, это не заменит новых людей, но даст обществу время адаптироваться.



В Японии и Южной Корее, где проблема старения населения стоит особенно остро, роботы помогают ухаживать за пожилыми, а цифровые сервисы упрощают работу госучреждений.

Цифровизация экономики постепенно снижает зависимость от численности работников. Онлайн-банкинг, автоматизированные колл-центры и системы управления производством позволяют делать больше с меньшим количеством персонала. Конечно, технологии не панацея и не заменят полностью человека, но они могут стать временным решением, пока общество ищет выход.

Есть ещё один ложный путь: мигранты. Да, это временно компенсирует нехватку рабочих рук, но не решает проблему — просто перераспределяет население между странами, не увеличивая общее число людей на планете.

Стареющему обществу придётся меняться. Люди будут позже выходить на пенсию, а программы переобучения помогут пожилым оставаться на рынке труда дольше. Главной ценностью станет не число работников, а их производительность. Города тоже начнут перестраиваться: появится больше лифтов и удобных скамеек. Получат распространение проекты совместного проживания, где молодые и пожилые люди помогают друг другу.

Одновременно на первый план выйдут медицина долголетия и биотехнологии. В мире, где людей становится меньше, особенно ценным становится здоровье и активная жизнь в любом возрасте.

Почему не надо бояться перенаселения?

Всего полвека назад мир боялся перенаселения — об этом кричали заголовки газет и рисовали карикатуры.

Но демографические тенденции меняются быстро, и нынешний спад рождаемости может оказаться временным явлением, которое разрешится естественным путём или с нашей помощью.

Некоторые видят в росте населения угрозу нехватки ресурсов, но у этого процесса есть и важные преимущества. Чем больше людей, тем выше шансы нашей цивилизации на развитие и выживание. Вспомните Эйнштейна, Пушкина и других гениев — чем больше рождается людей, тем выше вероятность появления выдающихся умов и прорывных идей. В случае глобальных кризисов больше людей — это преимущество. Поэтому лучший сценарий для человечества — не бесконечный рост и не сокращение населения, а разумный баланс. Население может постепенно увеличиваться до безопасного уровня, а технологии помогут обеспечить людей всем необходимым. Человечество уже не раз находило выход из сложных ситуаций. Старение населения вряд ли станет исключением.

Но что же мы всё про людей? Давайте немного про мышей. Однажды учёные построили для них рай на земле. И, как это часто бывает с раем, что-то пошло не так.

«Вселенная 25»: не всё так просто

Вся правда (и ложь)

Эксперимент «Вселенная 25» Джона Калхуна давно стал любимым аргументом в разговорах о демографии и даже конце цивилизации. Но что в нём на самом деле произошло?

Обычно эту историю рассказывают очень просто. Мыши жили в изобилии, их численность стремительно росла. Затем популяция достигла пика, начала деградировать и в конце концов вымерла. На

этом месте большинство пересказов заканчивается. Эксперимент превращается в мрачную сказку о перенаселении и неизбежном закате цивилизации.

Но за кадром остаются важные факты. Калхун создавал и другие «вселенные», где популяции не погибали, а исход был куда менее драматичным. Более того, сама архитектура «Вселенной 25» во многом предопределяла результат: учёный стремился подтвердить свою теорию «поведенческой гибели» и показать, что перенаселение ведёт к катастрофе.

Но реальный смысл эксперимента оказался гораздо сложнее и интереснее. В нём скрыты выводы, которые куда ближе к современным социальным проблемам.

Калхун построил большую клетку в четыре этажа, где стояли кормушки и поилки. Еды и воды хватало всем, опасностей тоже не было. Проблема была в самой конструкции, в центре клетки было пусто, а уютных мест для жизни почти не нашлось. Мыши